

Катя Матюшкина
и друзья

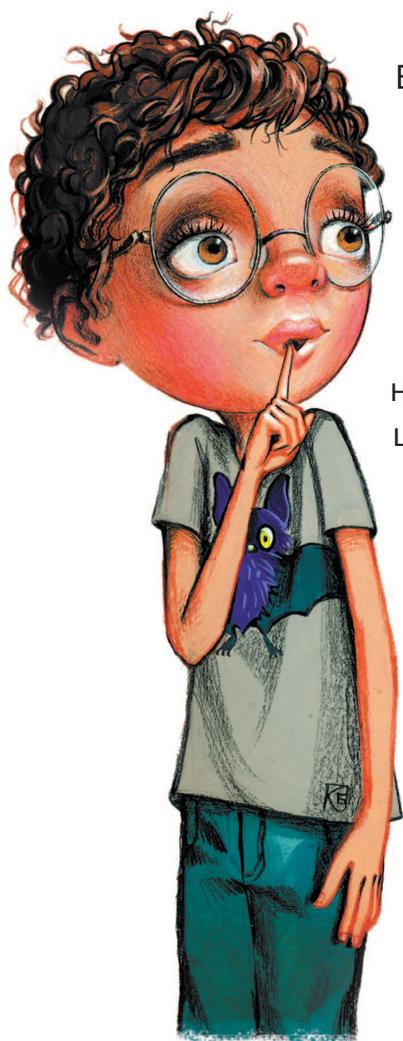

Ларискины
и тайна
перевёрнутой
пирамиды

Москва
Издательство АСТ
2023

Глава первая

ТАЙНСТВЕННЫЙ ПАПИРУС

Эта история началась очень странно. В среду.

За окном вдруг потемнело, из-за двери раздался жуткий скрежет, потом какое-то странное посвистывание и глухое ворчание, а после совсем уж страшное — похрюкивание.

Иван Емельянович — человек серьёзный, как и положено девятилетнему старшему брату, — застыл. Над ситуацией надо было подумать.

— Эй, разойдись!

Из кухни выскочила Клёпа, споткнулась и звонко шлёпнулась на кучу старой обуви.

— Тише ты! — шикнул на сестру Иван Емельянович, и в него тут же прилетел коричневый папин башмак.

На самом деле Ларискину-самую-младшую звали вовсе не Клёпа, а Клеопатра. Но как-то не прижилось.

Ужасные звуки повторились. Клёпа схватила настольную лампу, напялила

покрытый пылью хоккейный шлем и кинулась к двери. Подпрыгнула раз, другой, пытаясь заглянуть в глазок, но у неё ничего не вышло.

— Куда тебе, — проворчал Иван, впрочем, довольно тихо — до глазка он и сам пока не дотягивался.

— Ничего, Ларискины не сдаются, — взвизгнула сестра и упёрлась обеими руками в Несдвигаемый Камень, — ну же, двигайся, булыжник!

Клёпа пыхтела, высунув язык. Несдвигаемый не реагировал.

Камень этот тысячу лет пролежал в какой-то жуткой египетской пирамиде. А недавно его нашёл папа Ларискин, профессор пирамидологии, и привез домой. После того как грузчики затащили Камень в прихожую, он так и стоял. То ли потому, что был очень тяжёлым, то ли потому, что действительно был Несдвигаемым. То есть Заносимым, но Несдвигаемым.

Не удалось его сдвинуть и в этот раз.

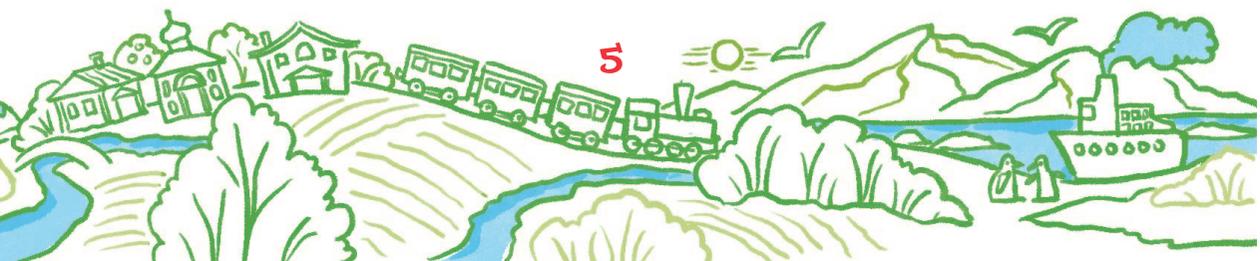
Клёпа грозно посмотрела на Камень и, не дождав-шись ответа, придвинула к двери скамеечку. Забралась на неё, заглянула в глазок...

Из глазка смотрел огромный крапчатый глаз.

— Ой! — сказала Клёпа.

Глаз моргнул, поменял цвет и превратился из крапча-того в клетчатый.

Дверная ручка повернулась, и... в щель просунул-ся влажный кожаный нос, жадно втягивающий воздух.

— Ой! — повторил Иван Емельянович и схватил сестру в охапку.

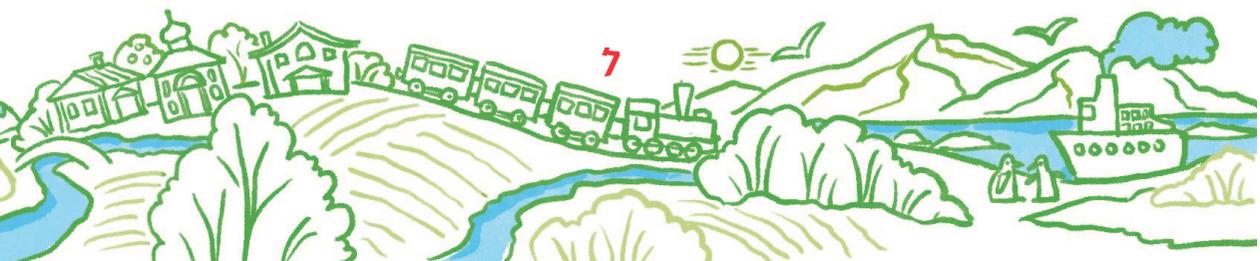
Дверь затрещала, распахнулась, опрокинув скамеечку, и в прихожую влетело что-то большое и лохматое. Казалось, в квартиру пылесосом затянуло огромный меховой шар, из середины которого раздавался лай. На буксире у этой кучи шерсти болталась мама, самый-пресамый парикмахер для всех, у кого есть лапы и хвост, — знаменитая Лариса Ларискина. Подол её длинной юбки был испачкан, а всегда аккуратная причёска изрядно растрепалась.

Чудовище ткнулось мокрым носом в руки Клёпе, потом повалило и облизало слабо сопротивляющегося Ивана Емельяновича.

Шерсть у собаки — наверное, всё-таки собаки? — была такая густая, что её хватило бы на свитера для всей школы. И ещё на один носок осталось бы!

Комок меха носился по квартире, как огромная шаровая молния, сметая на своём пути всё: стулья, табуретки, детей. Шерстяной ураган раскидал по прихожей разноцветные резиновые сапоги, кеды и лаковые туфельки, сшиб вешалку, на мгновение отразился в маленьком зеркале, а потом с треском вломился в стенку шкафа... Шкаф остался цел, что, вероятно, несколько удивило пса. Секунду он раздумывал, оглядывая картину разрушений, остался недоволен собой и... пошёл на второй круг.

Главным украшением квартиры Ларискиных был макет пирамиды. Был — до тех пор, пока на него не опусти-

лась мохнатая лапа пришельца. Три года папа любовно собирал пирамиду из крошечных пазлов, и вот сейчас она в один миг превратилась из объёмной в плоскую. Бедный папа может начинать всё сначала. Ещё каких-нибудь три года...

Рамка с фотографией — два веснучатых профессора пирамидологии, папа Емельян и дедушка Михаил, конечно же

на фоне пирамиды, — звякнула, хрумкнула, шмякнулась: хрясь! И нет рамки!

Мамины сверкающие ножницы вылетели из коробки и вонзились в дверцу комода.

Несдвигаемый Камень... Туммм! Только Несдвигаемый Камень остался на своём месте, когда об него споткнулся нежданный гость. Споткнулся и затих. Лохматые лапы, лохматое тело, лохматая голова — остановились.

— Фух! Хоть какая-то польза от Камня! — сказала мама и перевела дух. — Клёпа, Ваня, знакомьтесь — наш новый жилец!

— Мама, что это? — слабым голосом спросил Иван Емельянович, стирая слюни с лица.

— Какая разница! Это теперь наше!!! Вы что, не рады? Дети отрицательно покачали головами, а мама продолжила:

— Оно сидело под дождём во дворе. Очень плохо подстриженное. Я не могла допустить, чтобы такая роскошная шерсть промокла! Ну же, дайте молока Тюбику!

— Тюбику? — протянули хором Иван и Клёпа.

— Мне кажется, ему подходит. Накормим малыша, а потом я его постригу. Новой машинкой, да? — Мама потрепала пса по косматой голове. — Смотрите какие глазки! Сразу видно — хочет стричься!

— И какие зубки! — мрачно добавил Иван Емельянович, вдруг обнаружив свою руку в пасти чудовища.

Видно, Тюбика и вправду надо было покормить. Дать хотя бы молока пожевать.

— А мы ужинать сегодня будем? — В комнату зашёл, вытирая мокрые волосы, папа Емельян и... замер на месте.

На какое-то мгновение он забыл о волосах и даже о еде и с недоумением уставился туда, где до появления Тюбика гордо красовалась пирамида.

— Э-э-э... это что за странный блин вместо моей...

Тюбик виновато хмыкнул и попятился, пытаясь прикрыть расплюснутую пирамиду пушистым хвостом. Потом решил, что лучшая защита — нападение, и кинулся папе в объятия. Но тот каким-то чудом уклонился от ста килограммов любви и шерсти. Пёс обиделся и решил выкопать себе норку прямо в паркете. И у него явно начало получаться.

Иван Емельянович всё это время лежал на полу — из разумных соображений. Никаких гарантий, что Тюбик его снова не опрокинет, не было. Понадеявшись, что выкапывание норки отвлечёт пса надол-

го, Иван вытер остатки Тюбиковых слюней с лица и решил подняться. Валяться ему надоело, и пачкать новую футболку с летучей мышью было жалко.

Он повернул голову, чтобы убедиться в полной занятости Тюбика, и упёрся взглядом в Несдвигаемый Камень. Ну и дела! Камень лежал вовсе не так, как раньше, то есть больше не был Несдвигаемым! Теперь он стал Сдвигаемым На Чуть-Чуть, и из-под него что-то торчало. Что-то очень похожее на таинственную записку.

Иван осторожно потянул бумажку на себя. Ого! Не будь он Иван Емельянович, сын прославленного пирамидолога Емельяна Ларискина и внук ещё более прославленного Михаила Ларискина, если это была просто бумажка, а не настоящий египетский папирус! Может быть, даже древнеегипетский! Камень крепко держал добычу, но и Иван не хотел уступать. Заметив, что брат, весь красный, возится на полу, Клёпа с интересом заглянула ему через плечо:

— Ты что это тут? Тянешь? Да ты неправильно тянешь!

— Стой, порвёшь! — испугался Иван Емельянович. Уж он-то знал, как легко рвутся древние папирусы...

Но Клёпа дёрнула изо всех сил, и Сдвигаемый На Чуть-Чуть Камень уступил. Неожиданно.

Иван Емельянович упал на спину, держа записку в руках. Рядом, так и не выпустив из рук свою сторону записки, рухнула Клёпа.

— Дай, — выдохнул Иван, осторожно вытащил папирус из пальцев сестры и впился в него взглядом.

